

Неда Андрич
Черногория

DOI: 10.15393/j9.art.2011.324

ЮЛИАН ОТСТУПНИК И ХРИСТИАНСКИЙ МИР В РОМАНЕ «СМЕРТЬ БОГОВ» Д. МЕРЕЖКОВСКОГО

Концепция главного героя первой части трилогии «Христос и Антихрист» Д. С. Мережковского соответствует замыслам писателя показать судьбу язычества на восходе новой, христианской религии¹. Юлиан Отступник в романе изображен как один из главных врагов христианства, его даже некоторые герои принимают за Антихриста. Имея в виду толкование Антихриста как внешнего врага христианства в «Откровении», Мережковский хронологически наделяет царя Юлиана следующими качествами, которые сближают его с Антихристом: у Юлиана языческое происхождение² и он принадлежит роду Флавия³:

© Андрич Н., 2011

¹ О трилогии в целом Мережковский написал следующее: «Тема этой трилогии — отражение в истории, — вселенской, то есть все века, все народы и культуры объединяющей, — идеи христианства (или, вернее, религии Святой Троицы, потому что христианство — только фазис этой религии)». *Мережковский Д. С.* Св. София. Полное энциклопедическое собрание сочинений. Электронная библиотека. ИДДК-0870. ИДДК ГРУПП. Россия, 2004.

² «Зверь, выходящий из бездны» (Отк. 11:7); «И стал я на песке морском, и увидел выходящего из моря зверя» (Отк. 13:1); «Зверь, которого ты видел, был, и нет его, и выйдет из бездны, и пойдет в погибель» (Отк. 17:8). Бездна/море здесь символизирует языческий мир. Не только физически, но и духовно у Юлиана языческое происхождение — его духовные родители, учитель Мардоний и няня Лабда, воспитывают мальчика в духе Эллады и в рамках ее этических начал. Юлиан читает «Симпозион» Платона, а поскольку Евтропий позволяет ему читать только библейские сюжеты, он завертывает книгу Платона в переплет кни-

Юлиан и Галл, двоюродные братья царствующего императора Констанция, племянники Константина Великого, последние отпрыски несчастного дома Флавиев (28).

Юлиан обладает военной властью, как и Антихрист⁴ в «Откровении»:

И по таким дорогам, под вечным страхом нападения, должно было двигаться тринадцатитысячное войско Юлиана (138).

Это войско во время поражения и отступления узнает Юлиана как Антихриста:

Им казалось, что сам Антихрист, человек отверженный Богом, завел их нарочно в это проклятое место, чтобы погубить (282).

После смерти царя Констанция Юлиан становится царем:

Юлиан два раза обернул ее вокруг головы: эта цепь сделала его римским августом (165).

Царским достоинством наделен и Антихрист:

И семь царей, из которых пять пали, один есть, а другой еще не пришел, и когда придет, не долго ему быть. И зверь, который был и которого нет, есть восьмой, и из числа семи, и пойдет в погибель (Отк. 17:10, 11).

Когда над Юлианом совершилось величайшее языческое таинство — Тавроболия, принадлежащее солярному культу бога Митры, главный герой, облеченный в царский пурпур с головы до ног, чтобы скрыть следы крови огнечетного быка, символизирующего бога Митру, становится римским Августом. Тогда-то он и хулит⁵ Бога:

ги «Послания Апостола Павла». *Мережковский Д. С.* Смерть богов // Мережковский Д. С. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 42. Далее это издание цитируется с указанием страниц в скобках.

³ В комментарии Александра Меня на стихи из «Откровения» читаем следующее: «Восьмой зверь, то есть антихрист, “из числа семи и пойдет в погибель...” Он принадлежит к тому же роду, что и эти семь. Действительно, Домициан был из рода Флавия» (*Мень А.* Читая Апокалипсис. М., 2005. С. 171).

⁴ «И увидел я зверя и царей земных и воинства их, собранные, чтобы сразиться с Сидящим на коне и с воинством Его» (Отк. 19:19).

⁵ И сам титул императора Юлиана представляет собой богохульное имя — Август, или по-гречески «себастос», и имеет значение *священный, дающий благословение*.

Прежде чем войска опомнились от ужаса, Священная хоругвь Константина зашелестела и взвилась над головой императора, увенчанная кумиром Аполлона (176).

И только тогда солдаты в нем узнают Антихриста. Антихрист тоже хулит Бога:

И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе (Отк. 13:6).

В своем царствовании герой, подобно Антихристу⁶, опирается на язычников:

Все эти... лучшие друзья его... эллинские ученые, поэты, риторы, которым он отдал управление миром... (221).

Основная цель царя Юлиана состоит в том, чтобы уничтожить христиан. И именно для этого Юлиан созывает церковный собор, дает галилеянам свободу исповедания веры и возвращает из ссылки «еретиков, изгнанных постановлением соборов при Константине и Констанции» (203): донатистов, семириан, маркионитов, монтанистов, цецилиан — всех тех, которые, по мнению императора, могут способствовать раздору Церкви. Антихрист воевал со святыми, и дано ему было на время победить их:

И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем (Отк. 13:7).

Дмитрий Мережковский мотивирует причины ненависти главного героя к Христу и христианам. Его отца и родственников Констанций, христианский царь, убил⁷, а Юлиан, чтобы спасти свою жизнь, вынужден был поцеловать кровавый крест из рук епископа Евсевия Никомидийского:

⁶ «А внешний двор храма исключи и не измеряй его, ибо он дан язычникам: они будут попираť свяťый город сорок два месяца» (Отк. 11:2). И столько времени продолжится власть зверя: «И даны были ему уста, горящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца» (Отк. 13:5).

⁷ Дмитрий Мережковский в этом месте пользуется данными из письма самого Юлиана к афинскому народу: «И как же этот человеколюбивейший царь обошелся с нами, близкими родственниками! Шестерых моих двоюродных братьев, моего отца, который приходился ему родным дядей... он без суда предал смерти» (*Император Юлиан*. Послание к сенату и народу афинскому // Император Юлиан. Сочинения. СПб., 2007. С. 341).

При свете факелов, врываюťся воины кесаря: они переодеты монахами; их ведет епископ Евсевий Никомидийский; И воины... заставляюť целовать крест в руках Евсевия, присягнуть новому императору. Юлиан помнит большой кипарисовый крест с эмалью, изображаюющей Спасителя: внизу, на темном старом деревце, видны следы свежей крови. <...> Может быть, это кровь отца его или одного из шести двоюродных братьев... через семь трупов перешагнул братоубийца, чтобы вступить на престол, и все совершилось во имя Распятого (35, 36).

С тех пор все, что связано с христианством, напоминает Юлиану о смерти, убийстве, лицемерии и мраке. И даже когда он пытается построить каменную раку над мощами святого Мамы, то есть сделать хоть что-то на благо христиан, у него это не получается:

Работа Галла... подвигалась; но стенка Юлиана то и дело рушилась. Евтропий объяснил это тем, что св. Мама отвергает дар отрока, одержимого духом бесовской гордыни (44).

Этот эпизод описывает и Григорий Богослов, который неуспех Юлиана толкует значительно глубже⁸, чем писатель:

Он прилагал труд, а земля отвергала совершенное трудом. <...> Такое событие было некоторым пророчеством об открывшихся со временем в этом человеке высокомерии и высокоумии, о непочтении его к Мученикам, о поругании им святых храмов, — пророчеством, для других невразумительным, но заранее преследовавшим гонителя и предзнаменовавшим, какое будет возмездие нечестию⁹.

И в романе Григорий Богослов фигурирует как первый, кто узнал в Юлиане Антихриста. Он сначала предупреждает¹⁰ Василия Великого: «Не верь ему! Это Искуситель.

⁸ Надо учитывать, что Д. С. Мережковский взял этот фрагмент именно у Григория Богослова, так как у авторов, пишущих об императоре Юлиане (Аммиан Марцеллин, Евнапий, Сократ Схоластик, В. Самуилов), такого эпизода нет.

⁹ *Григорий Богослов*. Слово 4. Первое обличительное на царя Юлиана // Григорий Богослов. Собрание творений: В 2 т. Т. 1. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 89, 90.

¹⁰ То, что Григорий Богослов первым узнал Юлиана Отступника как человека, поклоняющегося зверью, неслучайно. Дмитрий Мережковский об этом мог прочитать в сочинениях самого Григория: «Меня сделали прорицателем непостоянство его нрава и неумеренная восторженность;

Помни, брат мой, Римская империя питает в сем юноше великое зло. Это — Враг!» (100); а потом и откровенно высказывает мысль о Юлиане-антихристе:

Брат, — шепнул Василий на ухо другу, — мы согрешили: осудили в сердце своем праведного. Григорий покачал головой. — Да простит мне Господь, если я ошибся, — произнес он медленно, не спуская пытливого взора с Юлиана, вспомни только, брат Василий, сколь часто в образе светлейших ангелов являлся людям сам сатана, отец лжи (112).

В книге есть эпизод, когда Юлиан, будучи анагностом в базилике св. Маврикия, читает стихи Апокалипсиса. Стихи касаются пророчества о гневе Божиим, обращенного к тем, которые поклоняются зверю и образу его — со снятием четвертой печати появляется конь бледный и приносит разрушение и смерть¹¹. Апокалипсис в романе играет роль пророчества и объяснения последующего хода событий: главный герой отрекается от Иисуса и поклоняется зверю (80), принуждает войско и народ сделать то же самое (176, 183), ведет войну против персов и толкает свой народ на гибель и смерть (282). Судьба императора Юлиана в романе — знак того, что отвращение человека от Бога и война имеют катастрофические последствия.

Но в характере Юлиана проявляются и некоторые христианские черты. Например, приношение живой жертвы. В детстве они с Амариллис пускали двух белых голубков на свободу, принося жертву Афродите. Эта живая жертва богине необычна для религиозного ощущения поздних эллинов¹². Для христиан совершение обрядового жертвопри-

---

если только наилучший прорицатель — тот, кто умеет хорошо угадать. <...> Ибо тогда же, как увидел, сказал им: “Какое зло воспитывает Римская Империя!” и, предрекиши, желал быть ложным прорицателем. Ибо лучше бы мне быть лжепророком, нежели испытать Вселенной столько зол, и явиться на свет такому чудовищу, какого не бывало прежде». См.: *Григорий Богослов*. Слово 5. Второе обличительное на царя Юлиана // *Григорий Богослов*. Собрание творений. Т. 1. С. 161, 162.

¹¹ «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли — умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Отк. 6:8).

¹² Жрец Олимпидор недоумевает по поводу такой жертвы: «Как? Разве может быть жертва без крови?» (51).

ношения стало ненужным после того, как Христос был принесен в жертву ради искупления греха первого человека¹³.

Затем Юлиан проявляет милосердие: строит больницы Аполлона и Афродиты для «нищих, странников и калек» (219), в которых лечится весь народ — и язычники, и христиане, возводит странноприимные дома, «убежища философов, вроде монастырей» (221). По той же причине он повелел и бесплатно раздавать хлеб и вино нищим. За проявления милосердия¹⁴ его упрекает учитель Максим Эфесский:

Милосердие — мягкость и сладость перезрелых, гниющих плодов. Ты постник, ты целомудрен, ты скорбен, ты милосерд, ты называешь себя врагом христиан, но ты сам — христианин (222).

---

¹³ Этот мотив в романе не совпадает с идеями самого Юлиана. В сочинении «Против христиан» он даже объясняет, в чем состоит нарушение Ветхого Завета со стороны христиан, касающееся жертвоприношения: «Почему же вы, отпавши от нас, не соблюдаете и иудейского закона и не остаетесь верными предписаниям Моисея? “Но, — скажет кто-нибудь из вас, посмотрев выразительно, — ведь и евреи не приносят жертв!” Но я этого слепца разобью в пух и прах: во-первых, вы и других принятых у иудеев законоположений не соблюдаете; во-вторых, иудеи в тайниках приносят жертвы и теперь еще едят жертвенное мясо и молятся перед принесением жертвы, и отдают правую лопатку священникам вместо первинки, и, лишившись храма, или, как они обычно говорят, святыни, стремятся подносить богу первинки от жертвенных животных. А вы, придумавшие новые жертвоприношения, почему не приносите жертв? Ведь вам Иерусалима не надо?» И далее: «Клянусь богами, я — один из тех, кто не собирается исполнять вместе с иудеями их церемонии, но я всегда почитаю бога Авраама, Исаака и Якова, которые, будучи халдеями, принадлежат к роду священников и богослужителей, научились обрезанию, когда жили среди египтян, и стали поклоняться богу, который, будучи превеликим и могучим, был благосклонен ко мне и к тем, кто чтит его, как Авраам, но на вас не взирает. Ибо вы не подражаете Аврааму, не воздвигаете богу алтарей, не строите ему жертвенников и не почитаете его священнодействиями, как тот. Авраам всегда приносил жертвы, как и мы, и часто пользовался гаданием по планетам. Это, пожалуй, тоже эллинский обычай. Он больше занимался птицегаданием. Да и в качестве управляющего домом он имел гадателя» (*Император Юлиан*. Против христиан // Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1990. С. 425, 430).

¹⁴ Этим Юлиан, по мнению учителя, изменяет себе и своей природе.

И не только Максим, но и Арсиноя во время ее пребывания в монастыре говорит о милосердии императора:

Подумай, что значит твое милосердие, странноприимные дома, проповеди эллинских жрецов. Все это — подражание галилеянам, все это — новое, неизвестное древним мужам, героям Эллады. <...> Кровь и страдания людей — нектар и амброзия богов. А твои — соблазненные верой капернаумских рыбаков, слабые, кроткие, больные, умирающие от жалости к людям, — потому что, видишь ли, жалость к людям для богов смертельна (219).

Но милосердие героя только на первый взгляд напоминает христианское милосердие. Юлиан всегда притворяется, и главного условия для милосердия — чистого сердца — у героя нет. Его «милосердие» зиждется на соблазнении верой. В романе он пишет в письме Арказию, верховному жрецу Галтии, следующее:

Победи их (христиан. — *Н. А.*) милосердием во имя вечных богов. Объяви по всем городам и селам, что такова моя воля; объясни гражданам, что я готов прийти к ним на помощь во всяком деле, во всякий час (200).

Следовательно, милосердного сердца нет у Юлиана — он использует его как средство для борьбы против христианства. Ему самому непонятна значимость милосердия для христианской души¹⁵, и он уверен, что христиане¹⁶ пользуются им для осуществления своей цели:

¹⁵ О милосердии говорит и Иисус Христос: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18:35). Значение милосердия для спасения человека звучит в словах Апостола Павла: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (Гал. 5:22, 23). Самое совершенное проявление милосердия выражено в Отце, который жертвует Сына ради спасения человека — и потому Апостол Павел называет Бога Отца — «Богом милосердия и всякого утешения» (2 Кор. 1:3).

¹⁶ Дмитрий Мережковский использовал сочинение императора Юлиана: «На это (милосердие будущих жрецов. — *Н. А.*) следует обратить особое внимание, и потому нужно использовать это для врачевания [человеческих душ]. Я думаю, что когда бедняки были не рассмотрены и не ухожены иереями, нечестивые галилеяне, видя это, обратились к человеколюбию, то приобретя этим добрую славу, усилили то худшее, что было в их поступках (речь идет, конечно, о проповеди, сопряжен-

Безбожные галилеяне кормят и своих, и наших, хотя поступают, как люди, обманывающие детей лакомствами: начинают с гостеприимства, с милосердия, с приглашений на вечера любви, называемые у них Тайнами, и, мало-помалу вовлекая верующих в богопротивное нечестие, кончают постами, бичеваниями, истязаниями плоти, ужасом ада, безумием и лютой смертью; таков обычный путь этих человеконенавистников, именующих себя братолюбцами (200).

Юлиан осознавал, что для уничтожения христианства он сначала должен вести борьбу с Церковью. Он полностью пренебрегает тем, что Церковь (ἐκκλησία) не есть простая группа людей, а живой организм, великое Тело Христово (Глава Тела — Христос, члены — все верующие в Него), в котором взаимоотношения между Главой и Телом непрекращающиеся, живые. И в этом заключены причины его неуспеха. Герой под Церковью понимает исторически выработавшуюся общину людей, связанных одной идеей и одними целями, и поэтому ему кажется, что у него получится внести в нее дух раздора:

Увидите, друзья мои, — говорил император, — когда все они вернуться на свои места, — такая распря возгорится между братолюбцами, что они растерзают друг друга, как хищные звери, и предадут бесславию имя Учителя своего скорее, чем я мог бы этого достигнуть самыми лютыми казнями! (203).

Когда же скопец пророчицы Пепузской узнает подлинные намерения его¹⁷, Юлиан пользуется оружием противника — цитирует¹⁸ слова своего главного врага, Христа:

Горе вам, законники, что взяли вы ключ разумения: сами не вошли и входящим воспрепятствовали. Горе вам, книжники и фарисеи! (213).

ной с делами милосердия. — *Прим. пер.*) Они подобны тем, что соблазняют детей пирожными... то, что на секунду показалось сладким, оборачивается горечью на всю жизнь; таким же образом и галилеяне начинают с того, что называется у них агапами, приютами, трапезным служением [многие способы, потому и многие имена], а в результате приводят они весьма многих к атеизму...» (Император Юлиан. Фрагмент письма к жрецу // Император Юлиан. Сочинения. С. 179, 180).

¹⁷ «Один из полоумных скопцов... упал на колени и, с лицом, искаженным ужасом, указывал на трибуну: — Дьявол, дьявол, дьявол!» (212).

¹⁸ «Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали» (Лк. 11:52).

Но в романе Юлиан не успел уничтожить Церковь, потому что его замысел перестал быть тайной¹⁹. В духе посланий апостола Павла Юлиану пророчески гибель халкедонский епископ Марис. Епископ признает свою слабость в сфере языческой философии и противопоставляет силлогизмам и энтимемам язык простых капернаумских рыбаков. Поблагодарив Господа за то, что гонениями Церковь очищается и настало время ожидать Жениха, Марис призывает на себя венец мученичества. Но Юлиан «с невозмутимым хладнокровием» и усмешкой, подражая христианам как в области словоупотребления (обращение «добрый человек»), так и демонстрируя милосердие, проявляет гордыню и упрекает епископа словами Христа: «Бог не в бурях, а в тишине». Буквальное толкование этих слов очевидно:

Они (Гомер, Демосфен и Платон. — Прим. автора), в самом деле, просты, как дети, мудры, как боги. Да, поучитесь у них великому спокойствию, галилеяне! (214, 215)

Спокойствие, как и вера в Бога, есть у Мариса, так как он не бежит от опасности, а молит Господа подарить ему мученическую смерть. Епископ Марис избрал не широкий путь служения Богу, а узкую и конкретную дорогу. Но Юлиан — это не сверхъестественное зло²⁰, связанное с разбушевавшейся стихией²¹ и вызвавшее отчаяние опытных

¹⁹ В соответствии со словами Христа, Мережковский строит личность и судьбу своего героя: «Ибо таковые лжеапостолы, лукавые делатели, принимают вид Апостолов Христовых. И неудивительно: потому что сам сатана принимает вид Ангела света, а потому не великое дело, если и служители его принимают вид служителей правды; но конец их будет по делам их» (2 Кор. 11:13—15).

²⁰ Хотя Юлиан и считает себя Антихристом, и Орибазию торжественно заявляет: «Я вестник — жизни, я — освободитель, я — Антихрист» (193), его учитель Максим объявляет, что не он примиритель двух миров и освободитель, то есть Антихрист, а другой, тот, который еще не пришел: «Только помни: не ты соединишь правду Скванного Титана с правдой Галилеянина Распятого. Хочешь, я скажу тебе, каков будет Он, не пришедший, Неведомый, Примиритель двух миров» (222).

²¹ Укрощение Спасителем бури на море изображено у Евангелистов (Мф. 8:23—27, Мк. 4:36—41, Лк. 8:22—25). Но, эта цитата из романа относится и к ветхозаветному эпизоду явления Бога пророку Илию на

рыбаков, за которое Христос и упрекает их, говоря об их боязливости и маловерии. Ведь император не вызывает у Мариса панического страха и смертельного ужаса. Марис не маловер, но он обращается к Юлиану для укрепления веры в Бога малых и слабых, и в этом проявляются его духовная стойкость, сила духа, вера в Бога и бесстрашие. Епископ предупреждает христианский народ:

Не верьте ему, братья! Это хитрость, обольщение Змия (215).

Лицемерие Юлиана полностью разоблачает старец Памва, который является из пустыни чтобы «народ обличить, великих низвергнуть, малых спасти». В результате свидания со старцем и после его пророчества Юлиан больше не проявляет милосердия:

С негодьями, не верующими в богов, нельзя говорить, как с людьми, надо истреблять их, как хищных зверей... И, наконец, что за беда, если десяток-другой галилеян будут убиты рукой одного эллина? (235).

После таких слов Памва разоблачает героя:

Зачем по обычаю своему, не прикрываешь насилие ласкою, уду — приманкою? Где твоя философия? Или времена уж не те? Слишком далеко зашел? (235).

В этом эпизоде больше милосердия и доброты, чем император, проявляет римский префект востока Саллюстий Секунд — он знает, что толпа разойдется сама. Император выбирает насилие по причине духовной слабости по отно-

Синае: «И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]» (3-я Книга Царств 19:11, 12). Такое явление неожиданно, так как произошло среди грозы и бури. Такое явление Бога предваряет новое его понимание («веяние тихого ветра») — милующего и утешающего. В синайской Теофании Илию находится прообраз Нового Завета. К сказанному нужно добавить, что речь Юлиана раскрывает правду Мариса, так как пророк Илия на горе Кармиле «состязается» с языческими пророками Ваала, которые принадлежат экстатической религии хананеев. Юлиан принимает участие в вакханалиях, экстатических празднествах языческого бога Диониса (Ваха), чем отрицает всех богов, кроме олимпийских.

шению к христианам. Он жаждет не только возвращения олимпийских богов, но и чтобы церковь пошла за ним²² (в известной мере эту идею можно сравнить с Цезаропапизмом) и чтобы идея государственного всечеловечества *Urbs — Orbs*²³ получила свою реализацию²⁴. Но, благодаря словам старца Памвы, Юлиан понял свое заблуждение относительно того, что идея всечеловечества существует и вне государственности:

Нет у нас границ, нет отечества; мы признаем одну республику — вселенную! Мы — вчерашние, и уже наполняем мир... <...> О, как истребили бы мы вас, если бы только не наше смирение, не наше милосердие, если бы не хотели мы лучше быть убиваемы, чем убивать (233).

Герою кажется, что только эллины — свободные люди и что он как их продолжатель является свободным человеком, а христиане — рабами. Юлиан еще не понимает, что как император и представитель Римской империи он уже потерпел поражение в борьбе с христианством. Единственным ответом Римской «свободной» империи Спасителю было позорное орудие казни — крест. Христос взял на себя роль раба и таким образом утвердил свободу. Это самая ценная свобода — свобода для Бога и победа над смертью как следствием греха. У Юлиана такого понимания Спасителя нет, и он (в ходе разговора с Арсиной) высказывает мысль²⁵, что у христиан существует «рабское смирение» (217). Христианская философия рабской жизни

²² Юлиан обращается к собору со следующей речью: «Ежели не умеете вы сами управлять собою, то вот я говорю вам, остерегая от худших зол: слушайте меня галилеяне, и покоряйтесь» (213). В романе не говорится, приняла ли все-таки церковь идеи Юлиана или нет. Но, если иметь в виду вторую и третью части трилогии, становится наглядным, что римская церковь во время инквизиции — мучений и бедствий невинных людей — следовала за Антихристом.

²³ «Рим есть мир».

²⁴ Юлиан признается Папириану, христианину и учителю грамматики: «У нас царство земное, у вас — небесное» (202).

²⁵ Надо обратить внимание на то, что эту самую мысль выражает и Прометей: «Кто заковал тебя снова? — Смирненные, кроткие, прощающие врагам из трусости, рабы, рабы!» (80).

вызывает у героя презрение и ненависть²⁶. Больше всего он ненавидит себя за то, что, будучи монахом, вынужден был искать милости у Констанция:

Так изуродуют смиренномудрые, так приучат лгать и пресмыкаться, что уже не выпрямиться, не поднять ему головы никогда (110).

Подобное отношение к христианству, по мысли Дмитрия Мережковского, является мотивировкой указа императора²⁷ о запрете учителям-христианам читать лекции о Гомере:

Я считаю нелепым, чтобы христианские учителя риторики, объясняя Гомера, отвергали тех самых богов, которых чтит Гомер. Если думаете, что наши мудрецы сплетали только басни — ступайте лучше в церкви объяснять Матфея и Луку (202).

Отказаться от мудрости Гомера во имя Матфея и Луки для императора означает «быть нищим духом». Поэтому он верит, что помогает своим врагам придерживаться христианских позиций. Обладая житейской мудростью, Юлиан (при помощи диалектики) побеждает и Папириана. Подобный ход мысли императора приводит его к заблуждению и лжи, поэтому он винит учителя грамматики за возмущение не духа²⁸, а плоти, «для коей грех сладок»: лишив его зарплаты, император пресекает появление желаний плоти, а тем самым и греха.

Основная причина неприятия Юлианом христиан и христианства кроется в его ненависти к Христу. У Юлиана еще с раннего детства лик Христа раздваивается: с одной стороны, это Добрый Пастырь, радостный и простой юноша, лицо которого светится кротостью и смирением, а с другой — это арианский образ — темный, грозный, худой, ко-

²⁶ В своей гордыне он объявляет: «Я пришел, чтобы проповедовать миру новую любовь, не рабскую и суевную, а вольную и радостную, как небо олимпийцев» (201).

²⁷ Исторические данные об указе императора Юлиана, касающиеся запрета учительской деятельности исповедавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не отрекутся от своей религии и не начнут чтить олимпийских богов, описывает Аммиан Марцеллин (*Марцеллин А. Римская история*. СПб., 1996. С. 337).

²⁸ Благодаря такой формулировке получается, что учителя не волнует вопрос веры, а волнует лишь хлеб насущный.

торый герою напоминает о Византийской империи. Добрый Пастырь является для Юлиана символом детской веры, еще не испорченной церковным и монашеским опытом: он носит «Овцу на плечах, заблудшую и найденную Овцу — душу грешника» (47). Юлиан с Пастырем связывает воспоминание²⁹, значение которого открывает божественный Ямвлик, ученик Порфирия неоплатоника:

Да, да... Мы все забыли Голос Отчий. Как дети, разлученные с Отцом от колыбели, мы и слышим, и не узнаем его (66).

Пастырь Добрый у Юлиана не вызывает страха, так как Его светлый лик не связан со смертью и страданием. Этому лику Юлиан перед смертью признается:

Как я любил Тебя, Пастырь Добрый, Тебя одного... (291).

Другой лик Христа Юлиан ненавидит³⁰ и всегда Его называет Галилеянин. Это значит, что Юлиан отрицает божественную природу и сотериологическую роль Иисуса Христа. Лик Доброго Пастыря, характерный для первых веков христианства, благодаря идее аскетизма культивируемый церковью, стал мрачен³¹. В восприятии Юлиана христианские монахи имеют неприглядный вид:

Темные одежды иноков казались здесь еще темнее, истощенные лишениями, озлобленные лица еретиков-изгнанников еще более скорбными; как черные безобразные тени, скользили они по солнечному мрамору (204).

Такой образ жизни Церковь навязала и мирянам, и для них смерть приносит облегчение и радость — они «летят на смерть, как пчелы на мед» (234). Император Юлиан

²⁹ «Юлиану казалось, что никто уже не знает и не видит Доброго Пастыря; и с этим маленьким изображением иных времен для него связан был какой-то далекий, детский сон, который иногда хотел он вспомнить, и не мог» (47).

³⁰ Юлиан признается Арсино: «Я ненавижу Галилеянина!» (109).

³¹ Эта идея присутствует не только у Д. Мережковского, но и у некоторых других участников религиозно-философских собраний. Д. Философов считает, что «Церковь... довела свою любовь к Богу, свое служение Ему — до ненависти к миру». Василий Розанов пишет: «Монашество отсеклось от мира» (Записки Петербургских религиозно-философских собраний. 1901—1903 / Под общ. ред. С. М. Половинкина. М., 2005. С. 27, 33).

борется против темного лика Христа в течение всей жизни. Кульминацией этой борьбы является эпизод изнасилования супруги Елены, невесты Христовой, как открытый вызов Богу:

Кошунственными руками срывал он черные христианские одежды. Душа его была объята ужасом, но никогда в жизни не испытывал он такого упоения. <...> Тогда, с усмешкой и вызовом, римский цезарь посмотрел в противоположный угол кельи, где лампада мерцала на молитвенном аналое, перед черным Крестом (155, 156).

Поступки христиан не всегда однозначны. Так, они поджигают храм Аполлона в Дафнийской роще «во славу Отца и Сына и Духа Святого» (250), грабят святыню из языческого храма, забивают камнями жреца Горгия и убивают мальчика Эвфориона. Последний эпизод провоцирует императора отомстить своим главным врагам христианам. Именно эта ненависть и стала главной причиной поражения императора персами.

Мережковский показывает сложное отношение к Христу, христианской церкви и христианам. В религии император свои усилия направляет на борьбу с христианским Богом, чтобы вернуть олимпийских богов; борьбу с Церковью с целью ее полного уничтожения, и, наконец, борьбу с мирянами-христианами вплоть до их физического истребления. Кроме того, он является автором философского сочинения «Против галилеян», а также демонстрирует истинное милосердие, строя больницы и приюты для нищих. Автор сопоставляет белый мрамор статуй олимпийских богов с черными монашескими мантиями истощенных иноков.

Дмитрий Мережковский описал в романе два пути духовного развития человека. Первый, гибельный, — это путь императора Юлиана, Антихриста, гордого человека, отрекшегося от Бога во имя свободы. Другой — это путь терпения и веры, ведущий к вечной жизни.